

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Відсталість освіти в мусульманському світі. Електронний ресурс. Режим доступу: [<http://halifat.info/caliphate/education/986-muslim-world-education.html>]
2. Огляд преси :освіта, наука. Електронний ресурс. Режим доступу: [<http://polpred.com>]

А. Н. ПОВЗЛО

Н.А. БЕРДЯЕВ: ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ И ХРИСТИАНСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Как известно, любая наука, в том числе и философия техники, для того, чтобы состояться и обозначить свое «проблемное поле», должна произвести, проработать и обосновать свой теоретический, методологический и другой категориальный инструментарий. Н.Бердяев, набрасывая первые «штрихи» своего видения «философии техники», параллельно старался закрепить его четкими понятиями и категориями. Среди таковых, одними из базовых, являются категории «организма» и «организации». Под «организмом» Н.Бердяев понимал категорию духовного (душевного, растительно-животного) символизма, который придает человеку космический характер, а под «организацией» - категорию «голового», бездушного конструктивизма, который приходит в мир человека вместе с индустриально-капиталистической цивилизацией и системой Тейлора. Духовный процесс – это «живое» (иррационально-гуманистическое) начало бытия человека, а цивилизационный процесс, который связан с «машинизацией» жизни – это «неживое» (рационально-антигуманистическое) начало бытия человека. В данной статье речь пойдет о диалектическом соотношении и взаимопревращениях всех вышеназванных категорий.

Вообще, если рассуждать об этом вопросе более широко, то сразу можно вспомнить традиционную диалектико-материалистическую парадигму о «первой» и «второй» природах и их цикличных «превращениях» по отношению друг к другу в процессе исторической эволюции. Хотя Н.Бердяев рассматривает эти категории и их соотношение в контексте своей философии христианского экзистенциализма. Поэтому его идеи и выводы более специфические, чем это мы видим в марксистской философии. Его философия выходит за сферу рационально-бытийного (которое прагматично и реалистично) и реализует себя в сфере иррационально-бытийного (которое теллургично и эзотерично). То есть его философия не для «широкой публики», а для специально подготовленного и заинтересованного читателя. Но с другой стороны, мы не должны забывать о том, что Н.Бердяев в начале своей творческой эволюции, в том числе, что касается и его взглядов на роль машины и техники в обществе, находился на более умеренных позициях, разделяя многие идеи теории марксизма. Действительно, Н.Бердяев не стоял на месте, его позиция постоянно эволюционировала. В начале и конце данного процесса эволюции - это два совершенно разных Н.Бердяева. Можно сказать, что его позиция стала двойственной, так как сама «техника» имеет двойственную сущность в истории человечества. Поэтому при анализе ее определяющих черт надо иметь ввиду, что в этом вопросе существуют две стороны «медали». По этому пути в своей «философии техники» и Бердяев. Например, в своей статье «Дух и машина (1915г.) он высоко оценивает освобождающее и одухотворяющее значение машины и техники в жизни людей. У Бердяева относительно научно-технического прогресса в целом и машины и техники в частности только одни исключительно положительные оценки. Почему он делает такие выводы и проявляет такой восхищенный оптимизм к будущим судьбам новой эпохи? Да потому, что все это подтверждалось эмпирическим путем, духом («запахом») времени: техника стала освобождать человека от тяжелого физического труда, у рабочего появилось больше свободного времени для семьи и своего индивидуального развития, то есть жизнь становилась более комфортной и уютной. Рынок интенсивно наполнялся все новыми, качественными, относительно дешевыми товарами, потребительский спрос удовлетворялся, демократия расширялась. Но!?

1923 год – это середина эволюции взглядов Бердяева. Тогда у многих философов, историков ярко выражено проявились свои разочарования по отношению к конечным результатам научно-технического прогресса, то есть к его оборотной, отрицательной стороне, которая стала значительно перевешивать положительную сторону этого процесса. И не только в производственно-экономической сфере, но также в экологической, социальной, духовно-культурной. Достаточно вспомнить ошеломивший всю общественность Европы историко-философский труд О.Шпенглера с соответствующим названием «Закат Европы». Вот и Бердяев в своей довольно системной работе «Смысл истории», написанной им в едином духовном порыве, писал приблизительно об этом же. В этом исследовании он анализирует историю причинно-следственных отношений, которые подводят человечество (в частности Европу) к кризису и закату культуры. Они-отношения, прежде всего, связаны с диалектическим характером развития самой культуры, с ее трагедийностью, которая изначально и имманентно заложена в самой ее природе. Культура, как и другие человеческие социальные явления развиваются по классической диалектической схеме, обоснование которой мы видим, например в «Науке логики» Г.Гегеля, а именно: тождество – различие – противоположность – противоречие.

Сначала все было хорошо: человек был растворен в природе, он ее созерцал, интуитивно чувствовал, то есть его ритмы жизни соответствовали ритмам природы. Но затем, в процессе истории, культура эволюционируя, развиваясь, усложняясь, приобретая все более и более классические формы постепенно и закономерно стала воспроизводить в себе обратные классицизму и романтизму формы «жизни». Все это способствовало приходу в общество цивилизации, что по Бердяеву, означало «смерть» культуры. Почему? Да потому, что культура – это органическо-духовное, аристократическое начало, это начало «качественное». А цивилизация это организованно-машинное, демократическое начало, начало «количественное». И в результате «организованность убивает органичность. Жизнь все делается все более и более технической. Машина налагает печать своего образа на дух человека, на все стороны его деятельности» [1, 168]. То есть, о чем это говорит? А именно о том, что основным стержнем и причиной конфликта между «организмом» и «организацией», между культурой и цивилизацией является техника, стремительный и подавляющий все на своем пути приход в человечество и природу «царства машин»: «Эра цивилизации началась с победного вхождения машин в человеческую жизнь» [2, 168], а культура становится лишь средством «для техники жизни». Здесь Бердяев подчеркивает, что существует природа-организм, до стадии человеческого «вмешательства» первозданная, то есть то, что в марксизме называлось «первой природой». И также параллельно с первой стала существовать природа-организация, созданная самим человеком, т.е. то, что ранее называлось «второй природой». Органическое начало всегда будет первичным, приоритетным, самым понятным и близким человеку, его духовности. Но биологическая форма материи человека должна воспроизводиться, тело человека обязано жить ради того же воспроизводства духа человека, и это «тело», чем дальше история, желает жить все лучше и лучше, все комфортнее и комфортнее. Поэтому, человек между собой и первой природой ставит искусственную среду орудий, «которыми он пытается подчинять себе природу» [3, 168], то есть первую природу. Законы истории неумолимы: на смену первой природе приходит вторая природа, на смену «организму» приходит «организация». А техника регулирует этот переход, да до такой степени, что искусственные орудия из средства удовлетворения потребностей человека и его обслуживания превращаются в самоцель. «Организм» увядает, классическая культура умирает, на смену ей приходит массовая, потребительская культура, что говорит о том, что умирает сам человек в его «подлиннике», т.е. в первозданности его духовных (божественно-космических) начал. «Царство машин» превращает человека с его неповторимой индивидуальностью (и этому активно способствует «массовая культура») в «среднего, массового» человека. Он становится не целью истории, а «конвейерным» средством существования цивилизации, где он, с помощью «отверточных» технологий, обслуживает это «царство машин и техники», которое сам («на свою голову») и создал.

Но для оценки эволюции взглядов Н.Бердяева по данному вопросу и это еще не все. На третьей, заключительной стадии этой эволюции под его авторством появляется статья «Человек и машина». В этом труде Бердяев более глубинно, в своем особом методологическом ключе подводит логическую черту всем своим прежним исследованиям, опять же раскрывая диалектическую сущность техники как единство и борьбу начал «организма» и «организации», определяет технику как «новую категорию бытия» [4, 152]. В этот его синтез-«подведение» вписываются как похвальные «нотки» технике (объективная «дань» уважения), так и «нотки» критического характера, и так же дается свой вариант выхода человечества из тупиковой ситуации. С одной стороны Н.Бердяев подчеркивает, что «вопрос о технике (вопрос о вере в технику – авт.) стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры... Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменять свой образ под влиянием предмета своей любви. И все, что происходит с миром, питает эту новую веру человека. Человек жаждал чуда для веры, и ему казалось, что чудеса прекратились. И вот техника производит настоящие чудеса»..., и техника умножает блага жизни» [5, 147-148]. В связи с этим, закономерно будет сказать, что для человека «техника имеет космогоническое значение, через нее создается новый космос» [6, 152].

С другой стороны, в противовес первой точке зрения, он подчеркивает, что «машина совсем не повинуется тому, что требует от нее человек, она диктует свои законы. Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать» [7, 151]. То есть, «массовая техническая организация жизни уничтожает всякую индивидуализацию, всякое своеобразие и оригинальность, все делается безлично-массовым, лишенным образа» [8, 155], поэтому «техническая эпоха многому с собой несет смерть» [9, 153]. Как понимать такие противоречивые высказывания Н.Бердяева? Это связано, как мы уже отмечали, с противоречивой природой самой техники. С теоретической точки зрения, для «органического начала» техника – это плохо, так как она несет с собой смерть. А в практической плоскости, с точки зрения организации комфортных условий жизни человека, ее усовершенствования, Бердяев уже в 30-е годы XX столетия видел (на том же его примере о глобальности кинематографа по сравнению с театром), что техника – это хорошо. Она продлевает и «увеселяет» физическую жизнь человека и дает ему возможность почувствовать себя «титаном», сверхфизическим существом («сверхчеловеком»).

В данном случае, принимая во внимание принципы и методологию религиозно-экзистенциальной философии Н.Бердяева, нам необходимо еще раз «курсивом», по «ступенькам», пройтись по основным позициям в отношении того, что связано с категориями «космичности», «природности», «духовности», «организма», «организации», «культуры», «цивилизации», «божественности». А так же, в целом, всего того, что касается «философии техники». Ведь сам Н.Бердяев по этому поводу удивлялся: «Поразительно, что до сих пор не была создана философия техники и машины... не сделано самое главное, не осознана машина и техника как проблема духовная, как судьба человека» [10, 153]. С тех пор много было исследовано и передумано, но, наш взгляд, «философии техники» как стройной, системно-структурированной, выработанной и понятийно, и категориально в качестве самодостаточной теории до сих не существует.

Как уже было сказано, А.Н.Бердяев «философию техники» попытался рассмотреть через призму категориального инструментария христианско-экзистенциальной философии. Во-первых, экзистенциальная философия, как таковая, в значительной степени антропологична. Это же касается и концепции Н.Бердяева. В центре его теории находится человек и проблемы его существования, в данном случае, в условиях культуры и цивилизации. Но, в контексте нашего вопроса, у Бердяева мы опять видим определенную специфику. На стадии культурно-органического (абсолют растительно-животной субстанции) развития человек-**Я** – это центр всего мироздания – это Дух, но который «в себе», то есть в человеке. На стадии цивилизационно-органического (абсолют бездушно-механической субстанции) развития человек-**Я** – это центр всего мироздания – это Дух, но

который «для себя», то есть вне человека. «Человек испугался, когда раскрылась бесконечность пространств и миров, он почувствовал себя потерянным и униженным, не центром вселенной, ничтожной, бесконечно малой пылинкой. Мощь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров, в которую брошена земля, но она дает человеку и чувство его собственной мощи, возможности овладения бесконечным миром... человек впервые делается, наконец, царем и господином земли, а, может быть, и мира» [11, 154]. В этом случае человеческое «Я» рассматривается Бердяевым при помощи диалектики конечного и бесконечного. Если в системе координат «организма» было все законченным и конечным, «земля и небо составляли неизменную иерархическую систему» [12, 150]. Теологические принципы, настаивая на вечном объективном порядке природы, давали человеку, как конечному существу (который был «в себе», в растительно-животной ауре), почувствовать, в лучшем случае, свою бесконечность на основе «веровального» приобщения к бесконечности бога. То в системе координат царствующего мира машин, механизмов, изобретательства, технического начала ему дается возможность почувствовать и приобщиться к бесконечности космической пространственности и времени. Но он уже не «в себе», а «вне себя», т.е. творит в такой плоскости пространства и времени, который до конца не понимает. Однако, бесконечно развивающийся мир техники принуждает человека думать по-новому, быть смелым, агрессивным, безжалостным. И ведь действительно, «небольшая кучка людей, обладающая секретом технических изобретений, сможет держать в своей власти все человечество» [13,157]. И действительно, формируется, новая космогоническая картина, новая система мировоззрения человека. Поэтому царство машин – это новая категория бытия, которой необходимо дать философское обозначение и обоснование.

Во-вторых, культура, по Бердяеву, предстает как совершенная форма материализации и опредмечивания человеком космических «импульсов» бытия. Она-культура включает в себя два элемента: природно-органический и технический. Бердяевым признается, в определенном плане, технический способ в качестве возможного способа для воплощения культурных ценностей в действительность. Ведь, действительно, этимологическое значение категории от греческого *techne* – искусство, мастерство, умение. Разве это не культурологическая категория? Поэтому Бердяев обосновывает ее культурологичность в рамках «причастия» ее к духовным «делам» в качестве техники мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже в качестве техники духовной жизни, мистического пути, йоги и т.д. Но это культурологическое действие техники может осуществляться строго в определенных границах и до определенных пределов недопущения всяческого произвола с ее стороны. В противном случае она начинает убийственно действовать не только на человеческую душу, все машинизируя и схематизируя, но прямо обращает свое «жалю» против своих материальных «родителей». И тогда «последние люди сами превратятся в машины, но затем и они исчезнут за ненужностью и невозможностью для них органического дыхания и кровообращения» [14,157].

Поэтому, высшей, априори гуманистической культурно-духовной формой существования человека является сама природная, растительно-животная суть человека. Она и причина, и суть, и конечная цель. Но тут опять замыкание цикла: в эту благодатную для утверждения гуманистических ценностей почву попадает очередное инородное «тело-зерно». Оно прорастает и начинает давать «жизнь» миру индустрии и машин, предпринимательства и конкуренции, прагматизма и бесчестия, бездушия и безбожия. В такой системе «жизни» невыносимо жить ни творцу, ни художнику. Методология Н.Бердяева, в данном случае, «ходит по кругу», и мы вместе с ней. А что делать? Такова история. Эта история культуры есть история развития духа в «теле» природы. Она постоянно, как уже было сказано, осуществляется в рамках диалектической борьбы и превращенных форм «организма» (природа-дух-человек-личность) и «организации» (машина-антидух-человек-робот). Поэтому, в целях систематизации и упорядочивания, Н.Бердяев начинает рассматривать философские аспекты техники, формирование и

разрешение «проблемного поля» техники в контексте трех стадий исторического развития культуры: 1. природно-органической. 2. собственно культурной. 3. технико-машинной. Для первого этапа характерно погружение всеобщего (в том числе и человеческого) духа в природу. Это погружение и совмещение духа с природой подразумевает под собой то, что «человек все еще жил в природном мире» и все еще был «связан с землей, с растениями и животными» [15,149]. Всю его жизнь определяла (и он сам был рад таким образом «определяться») религия и мистика земли («человек из земли вышел и в землю должен вернуться»). Земля же в сознании древнего человека ассоциировалась со всей природой и бесконечным космосом. Космос - это абсолют, своеобразное «живое существо», который заполняет собой все мыслимое и немислимое пространство и время. А сам человек, как биологический организм, его бытие со всеми отношениями, через мифы-символы был представлен составной частью, микромиром природы и космоса. На второй стадии культуры начинается процесс «выделения духа из природы», в результате которого образуется особая сфера духовности, где человек стал активно творить и «гуманизировать» все окружающее. Но это было только начало, - дух человека еще оставался и с природой. Человек, общество внимательно «всматриваясь» и по-новому «удивляясь» законам природы, вступили в длительный период изучения, анализа и покорения природной среды. Люди только еще пытаются за счет собственных сил «одоухотворения» подняться и «взглянуть» на природу «сверху». То есть человеческий дух рождается из космического духа, растет и становится высшим его продуктом, но не вопреки, а строго следуя законам и правилам этого космоса-демиурга. Но люди, по-новому философствуя, уже творят, преобразовывают природу и «кроят» ее по своим «лекалам». По мнению Бердяева, в этом отношении культура ничем не отличается от цивилизации и технической индустрии: «Искусство тоже создавало новую действительность (Дон-Кихот, Гамлет, Фауст, Мона Лиза Леонардо, симфония Бетховена – авт.), не бывшую в природе». Ведь если обратиться к этимологии понятия «культура», то от латинского cultura – (вначале) возделывание, обрабатывание - (земли), (т.е. конкретное, прагматическое дело), (а потом уже) - воспитание, образование, развитие. Это характерный диалектический процесс превращенных (по-гегелевски: «тенденция переходить в свою противоположность») форм категорий «техника» и «культура». Тоже самое относится и к человеку: одновременно человек-дух все еще «там» (в природе), но теперь уже «здесь» (вне природы). Эти новые, создаваемые человеком «реальности» нарастая и изменяясь в количественном отношении внутри «старого-целого», постепенно вырастают из своих столь привычных, но уже тесных «штанишек», образуя новое качество-количество другой «жизни» под названием цивилизация. На этом этапе истории культуры, а именно становления буржуазного общества, происходит индустриально-техническая революция. Для цивилизации, для ее особого «культурного поля» становится вполне естественным и необходимым стремление духа к полному выходу из природы и активнейшему овладению ее органическими и неорганическими формами. Субъективный дух, носителем которого является индивид, социум, обречен на покорение объективного духа – духа самой Природы, самого Космоса. Это было связано с приходом в историю особого царства организованных и механизированных «тел» - «царства машин и техники». Человеческий дух уже претендует на роль и функции абсолютного духа-Космоса, пытаясь с помощью науки и техники подчинить и управлять жизнью всего громадного «живого» организма – планеты Земля. Субъект познания, в связи с такими претензиями и трансформацией своего духа, переходит на принципиально новый уровень понимания и осознания действительности, принимающего все более смелый и даже наступательный характер. «Техника отрывает человека от земли, она наносит удар всякой мистике земли, мистике материнского начала...В этом религиозный смысл техники. Техника дает чувство планетарности земли, совсем иное чувство...Прежде человек прикипал к матери-земле, чтобы не быть раздавленным пространством и временем. Теперь он начинает овладевать пространством и временем, он не боится отделиться от земли, он хочет как можно дальше в пространство» [16,153,154]. Научная и инженерная деятельность людей есть выражение их активности и

решительности не только к окружающей среде, но и к самим себе в борьбе против прежнего пассивного, растительно-животного состояния. Человек делает ставку не на органическое, а на организованное бытие. За счет точнейшей общеобязательной систематизации, организации и регуляции он хочет стать победителем в этой бесконечной схватке с природой и самим собой. Человечество и человек при цивилизации становятся другими: все становится «массовым», мужает и крепнет, не желая быть ведомым, а только ведущим. Однако, центр тяжести в человеке переносится не на духовность, а на «телесность». И в этом вся «загвоздка»: этот бунтующий человек превращается в говорящего монстра, но уже скорее не производителя, а безудержного потребителя.

В этой системе ценностей, если внешний мир изменяется, совершенствуется, становится все комфортнее и комфортнее, теплее и теплее, то внутренний мир человека и общества, наоборот, начинает интенсивно опустошаться, человеку страшно обратиться к самому себе, к своей душе потому, что там ничего не осталось («проявленная человеком способность к организации дезорганизует его внутренне»). Внутренние начала дегуманизируются («но в этой дегуманизации повинен сам человек, а не машина» [17,161]), появляется всеобщий дискомфорт, «другая» агрессия. Эта агрессия направлена уже не на покорение природы и космоса, а против самого человека и общества (на современном уровне мы видим, что это проявляется и на элитарном уровне: концепция «золотого миллиарда» и сам Римский клуб, тот же двойственный и противоречивый INTERNET). И, как это часто или всегда было в истории: от бунта и развития до быстрого падения вниз - одно мгновение («миф о Сизифе»). Все поражается кризисом и отчаянием. Проклятие «вечного» греха лежит на роде человеческом: он должен начинать все сначала, «всегда трагична его судьба». Но пока все «катится» вниз, еще остается, по мнению Н.Бердяева, возможность все затормозить. И в первую очередь, обратиться к Богу и вымолить у него прощение за свою гордыню и непомерные амбиции.

Христианский экзистенциализм и философия техники занимают существенное место в творчестве Н.А.Бердяева. Соединив, казалось бы несоединимое, их в единое целое, ему удалось, на наш взгляд, показать и дать потомкам общечеловеческий идеал развития. А именно: это человек думающий, не боящийся действовать и идти вперед, но, самое главное, имеющий глубокие духовные корни с космосом и богом. Человек-новатор, изобретатель, но, в первую очередь, верующий человек. Поэтому, он должен верить в освобождающую силу науки и техники, но еще более он должен понимать, что человек – это творение божье и ему уготована судьба быть не в этом мире цивилизации (пусть свободном и прекрасном), а вернуться своей христианской душой к своему Отцу, как вечной и бесконечной Истине. Тогда такой человек, скорее всего, научится не только дышать, но и достойно жить в этой «новой электрической и радиоактивной атмосфере, в новой холодной, металлической действительности, лишенной животной теплоты» [18,151].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
2. Там же.
3. Там же.
4. Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. – 1989. – №2. С. 147-162
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.

14. Там же
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.

SUMMARY

The given article deals with philosophical art of N.Berdyayev. First of all the problems connected with comprehension of the categorical apparatus of "philosophy of technique" are considered. Second of all, a picture of how N.Berdyayev sees the interaction of "philosophy of technique" and Christian existentialism is given.

І.І.КАПРІЦІН

ЗАГАЛЬНІ ТЕНДЕНЦІЇ ФОРМУВАННЯ ХРИСТИЯНСЬКОЇ КУЛЬТУРНОЇ ТРАДИЦІЇ

Проблема адекватності тлумачення змін в культурі, в духовній культурі зокрема, представляється безперспективною поза вирішенням питання суб'єктності. Виникнення пари "суб'єкт-об'єкт", саме по собі актуалізує відношення опозиції, інтерпретації «іншого» з позиції неадекватності і протиставлення. З іншою, оптимістичної сторони розгляду питання, починаючи з моменту актуалізації дуальності, «запускається» процес оптимізації розуміння, зближення та злиття суб'єкту пізнання з об'єктом.

Різні форми суспільної свідомості виникають з багатства об'єктивного світу, природи, суспільства, мають власні об'єкти, форми віддзеркалення соціальної дійсності, виконують властиві їм соціальні функції [11,499], отже мають і власні причини виникнення. Наукова форма суспільної свідомості, приміром, не могла сформуватися і виділитися раніше, ніж накопичення релігією раціональних знань не досягло такої концентрації, яка почала погрожувати їй якісними трансформаціями (відкриття Коперника, Галілея та ін.); громадське виробництво не досягло такого технічного рівня, який створив соціальну затребуваність і застосовність наукового підходу, що в комплексі з іншими історичними умовами створило необхідну концентрацію продуктивних сил суспільства, сформувавши нову для свого часу форму суспільної свідомості.

Історія, – форма наукового пізнання законів розвитку суспільства, розглянута як процес усвідомлення спрямований назад, припускає певну активність історика, яка включає споглядацький розподіл загального потоку подій на етапи, виділені на підставі актуальних для дослідника критеріїв. При цьому, науковість дослідження покликана забезпечити специфічна методологічна база що актуалізує, в ряду інших, принцип об'єктивності, який розкривається у визнанні існування об'єкту пізнання зовні і незалежно від суб'єкта що пізнає, і самого процесу пізнання. Вторячи Г.Гегелю, об'єктивний науковець повинен відмовитися "від своєї суб'єктивної особливості, поглиблюючись в предмет, представляє мисленню діяти самостійно, не додаючи що-небудь від себе" [5,124].

Вчений-історик має справу з об'єктивною реальністю, – чуттєво даною, такою що розвивається, сутнісно наповненою, такою, що містить в собі результати власного розвитку [11,314], закономірною в уявленні дослідника. Виходячи з наведеного академічного визначення, об'єктивною реальністю, є певний сегмент буття науково окультурений, і завдяки цьому, усвідомлений і сприйнятий як відомий. Але, з одного боку, йдеться лише про деяку частину матеріальної дійсності, з іншого боку, – ця об'єктивна реальність являється в історичному дослідженні не у своєму натуральному, об'єктивному вигляді, а лише як віддзеркалена, розгорнута, формалізована, і, кінець кінцем, перетворена дослідником, на тій основі, що усі форми пізнання-віддзеркалення несуть в собі можливість «добудовування» образу відбиваного об'єкту. У зв'язку з цим, про науку висловлювалася думка як про «до остраху рішучій обробці дійсності» [10,74]. Такий ланцюг роздумів зводить «об'єктивність», яку так цінує наука, до певної форми контрольованої суб'єктивності.

Філософська процедура пізнання, на відміну від наукового пошуку, що має об'єктом